

ЧЕЛОВЕК ИЗ МИДА

ИЗ ДОСЬЕ «КАВКАЗСКОГО КРАЯ»

Сорок два года «в кадрах» Министерства иностранных дел. Прошел должностные ступеньки от референта до Чрезвычайного и Полномочного Посла. Был первым заместителем Постоянного представителя СССР в ООН, постоянным представителем в международных организациях в Вене. Профессор. Специалист по проблемам ограничения вооружений и разоружения. Несколько лет на ответственных должностях в центральном аппарате МИДа.

В настоящее время преподает в Монтерейском институте международных отношений (Калифорния, США). В день беседы Роланд Тиммербаев — отдыхающий кисловодского санатория «Красные камни».

— Скажите, Роланд Михайлович, если бы вам предложили написать сочинение на тему «Незабываемое», то что бы вы вспомнили?

— Конечно, участие в переговорах по ограничению и сокращению ядерных вооружений и, конкретно, переговоры по заключению Договора о нераспространении ядерного оружия. Особенно период — с 1966—го по 1968—й год. Значение этого документа со временем не тускнеет. Кстати, мой первый приезд в Кисловодск приходится на осень 1968—го. Как раз после переговоров. Сильно устал, но хорошо отдохнул в санатории. Процесс создания и распространения «супероружия» в то время шел весьма активно. И развитие мирной атомной энергии накапливало те знания, которые могли использоваться и для военных целей. Трудился в американских сверхсекретных лабораториях. Не «покладал руки» и мы в известных сегодня Арзамас-16 и Челябинск-70.

В сентябре 1966—го, в Вашингтоне состоялись переговоры между главами внешнеполитических ведомств СССР и США. Вот тогда и были созданы «команды» двух МИДов. И начинать в этом чрезвычайно важном деле надо было с буквы «А».

Существовала самая идея, основная мысль, что пора ставить предел распространению ядерного оружия. Каждую «запятую» согласовывали с Москвой, обсуждали варианты. Обычно главным куратором был один из секретарей ЦК. Мы его называли «бригадир». Когда нам надо было «пробить» какое-то положение, шли на маленькую хитрость: докладывали Москве, что это американский вариант и можно, мол, соглашаться. Аналогично поступали и дипломаты США Абзац «приходил». Мне пришлось несколько раз лично участвовать в формировании положений договора. Над головой сегодня — мирное небо. Радостно, что в этом есть и моя маленькая заслуга.

— У вас есть любимая «точка» на карте России?

— Да. И не одна. Москва, наша красавица—Волга и, конечно, Кисловодск, где я отдыхаю уже в пятнадцатый раз.

— А есть ли такие «точки» на планете?

— Пожалуй, это Нью-Йорк. Представьте. Выпускник МГИМО. 23 года. Пароходом «Стефан Батори» из Гданьска прибыл в США. Молодость. Надежды. Если честно, я готовился как специалист по Англии и мечтал о серьезной дипломатической карьере. И вдруг в какую-то, тогда еще не очень известную ООН.

— Нью-Йорк произвел впечатление?

— Он, по-моему, на всех его производит. Но самое парадоксальное, что это не вполне американский город. Скорее он космополитический. Здесь много самых разных районов — китайский, чешский, венгерский, русский, итальянский. Мне приходилось жить в «европейских» районах.

— А в какой стране мира вы не можете быть «чужим»?

— Только в России. В США меня иногда принимают почему-то за шведа «Детко» работало в Швейцарии, Австрии.

— Чужие нравы, обычаи, привычки. Трудно их постигать? Даже с хорошим знанием языка.

— Это во многом зависит от возраста. Лично мне всегда помогала моя общительность, коммуникабельность. И еще важно быть любознательным, в самом хорошем смысле этого слова. Вот, например, я увлекался знаменитым американским бейсболом. Но, чтобы узнать эту интересную, но сложную для понимания игру, надо ходить на стадионы, читать отчеты спортивных комментаторов, дискусировать с болельщиками, смотреть телевизор, где бейсбол занимает достаточно эфирного времени.

— Роланд Михайлович, а когда вы почувствовали себя «своим среди чужих»?

— Видите ли, в 50—е, 60—е годы за рубежом, да еще в США, мы жили «протокольно». Строго ограничен круг общения, контактов. И, упаси Боже, человеку, находящемуся на «государевой службе», переступить его, нарушить «табу». Мне помогло одно довольно важное поручение Москвы. Надо было купить дом для нашей миссии при ООН в Нью-Йорке. Выделили конкретную сумму. Сообщили желательную этажность, площадь и т.д. Вот я и, как сейчас принято говорить, крутился. Искал этот дом. Общался с адвокатами, маклерами, посещал частные фирмы. Мой круг общения стал гораздо шире протокольного. Задание Москвы помогло лучше узнать «чужих», как тогда говорили.

— Дом все-таки купили?

— Конечно. В 13 этажей. Вместе с землей. На Манхэттене. Там и сегодня располагается офис российской миссии. Есть этажи Украины, Белоруссии, Казахстана.

— От каких страниц в вашей биографии вы готовы отказаться, перечеркнуть их?

— Вы имеете в виду то, что порой вспоминать не хочется? Знаете, здесь у меня такая точка зрения: что случилось, то случилось. Как говорится, от судьбы не уйдешь. Какие бы в ней ни промелькнули страницы — все они мои.

— А что бы вам хотелось пережить заново?

Роланд Михайлович грустно улыбнулся: — Если бы это было возможно, то несколько памятных встреч в Кисловодске. Но увы.

— Ностальгия не мучает?

— Мучила всегда. А с годами все больше и больше. Самый тяжелый вопрос при встречах: «А помнишь?» Тянет к старым друзьям. Уже невозможно менять окружение близких тебе людей. У американцев — другие интересы, другие взгляды. Отличие США от Европы — это совершенно другой «нерв», который проявляется во всем. Они очень большие рационалисты. Порой даже в мелочах. И это, пожалуй, главная разница между европейцами и американцами. В США должно все быть «исчислено» и «вычислено». Как тут не «заболеть» ностальгией?

— Какими языками владеете?

— Свободно — английским и французским. Несколько хуже — испанским, немецким. Могу прочитать газеты. И думаю, что в испаноязычных странах не заблужусь.

— Встречи на дорогах жизни. Вспомните, пожалуйста, самые яркие.

— Как вы понимаете, памятных встреч было много. Когда-то в газетах печатали снимки «Момент подписания Договора» того и или иного. Так вот, мы всегда служили «фоном», были, как говорится, на заднем плане. Протокол есть протокол. Видеть приходилось многих лидеров разных стран. Запомнились встречи с послами, с европейскими коллегами—мидовцами. До сих пор поддерживаю добрые, дружеские отношения с американским профессором Джорджем Банном. Вместе с ним ходили по альпийским лугам Швейцарии, думали, искали нужные, точные выражения для Договора о нераспространении. И, хотите верьте, хотите нет, но к очень важной формулировке пришли, сидя у окна канатной дороги, вроде той, что здесь, в Кисловодске. Ныне Джордж Банн работает в довольно престижном университете в Станфорде. Это недалеко от Сан-Франциско. Очень уважительно отношусь к Эдуарду Амвросиевичу Шеварднадзе. Работал с ним. Чрезвычайно пылкий, деятельный человек. У него сильная мотивация, огромное желание принести пользу делу, которому он служит. Я в то время был в центральном аппарате МИДа, заместителем начальника Управления международных организаций.

Приходилось встречаться и с «отцом» американской водородной бомбы Эдвардом Теллером. Кстати, как в свое время и наш «отец», А. Сахаров, он выступает

сейчас за международный контроль за ядерным оружием.

— Эта тема — одна из главных в вашей жизни?

— Наиправнейшая! Считаю своей основной миссией — осуществление идеи международного контроля за этим оружием. Вы знаете какого «пика количества» боеголовок мы в свое время достигли? По 30 тысяч с той и с другой стороны.

— Вот это совершенно непонятно. Ни с точки зрения военно-стратегической, ни с точки зрения государственной экономики. Столько миллиардов угрожали! И долларов, и рублей. Ведь для того, чтобы, допустим, разбить 30 окон, можно взять 30 камней, ну 60, ну 100, на случай промаха. Зачем же брать 30000 «ядерных камней»? Хватало бы и сотни.

— Вот-вот. И мы, и американцы достигли того предела, наращивая который далее просто бессмысленно. И мы вместе должны прийти к строгому международному контролю за сверхмощным оружием, установить «Мировой ядерный порядок XXI столетия».

— Роланд Михайлович, когда отдыхаете, чем занимаетесь?

— Люблю прогулки в горах. И потому так предан Кисловодску. Не раз был в его окрестностях — на Большом Седле, Кабан-горе, на Джиганале. Встречал там рассветы. Ставропольская Швейцария! «Покори!» Бермамыт, ходил пешком по горам до Пятигорска. Красота!

— Во многих ли странах мира пришлось побывать?

— До сорока трех я еще считал, а потом перестал.

— А что преподаете в Монтерейском институте?

— Веду курс проблем международной безопасности.

— О денежном заработке не принято спрашивать. Последую этой традиции. Не называя сумму, скажите, пожалуйста, «на жизнь хватает»?

— Вполне. У меня профессорский оклад, секретарша. Институт находится на берегу Тихого океана, к югу от Сан-Франциско. Все в порядке, но только очень скучно по семье, особенно по внучке. Она в Линце (Австрия). Там работает мой сын — доктор химических наук, тоже профессор. А жена — в Москве.

— Ваш взгляд на ситуацию в России?

— Считаю, что происходящие процессы неизбежны. Я не экономист. Но если бы даже существовал другой сценарий, то мы все равно должны пройти через то, что уже давно миновали многие страны мира. Это естественное развитие. Иного не дано. Надо же когда-то избавиться от того наследия, которое нам оставил 70-летний «эксперимент».

— Скорее б уж.

— Вот именно.

Вел интервью
Юрий САМОЙЛОВ.

Кисловодск.

Кисловодск притягателен в любую пору года. И стар и млад приходят к целебному источнику в Нарзанную галерею.

Фото Юрия КЛИШИНА.